

Василий ШУКШИН

КОЛЕНЧАТЫЕ ВАЛЫ

В самый разгар уборочной в колхозе «Заря коммунизма» вышли из строя две автомашины – полетели коленчатые валы. Шоферы второпях недосмотрели, залили в картеры грязное масло – шатунные вкладыши поплавились. Остальное доделали головки шатунов.

Запасных коленчатых валов в РТС не было, а ехать в областной сельхозснаб – потерять верных три дня.

Колхозный механик Сеня Громов, сухой маленький человек, налетел на шоферов соколом.

– Дод-д-доигрались?! – Сеня заикался. – До-д-допрыгались?!

Шоферы молчали. Один, сидя на крыле своей машины, курил с серьезным видом, второй – тоже с серьезным видом – протирал тряпкой побитые шейки коленчатых валов.

– По п-п-п-пятьдесят восьмой пойдете! Обои!.. – кричал Сеня.

– Сеня! – сказал председатель колхоза. – Ну что ты с этими лоботрясами разговариваешь?! Надо доставать валы.

– Гэ-г-где? – Сеня подбоченился и склонил голову набок. – Г-где?

– Это уж я не знаю. Тебе виднее.

– Великолепно. Тэ-т-т-тогда я вам рожу их. Дэ-д-двойняшку!

Шофер, который протирал тряпочкой израненный вал, хмыкнул и сочувственно заметил:

– Трудно тебе придется.

– Чего трудно? – повернулся к нему Сеня.

– Рожать-то. Они же гнутые, вон какие...

Сеня нехорошо прищурился и пошел к шоферу.

Тот поспешно встал и заговорил:

– Ты вот кричишь, Сеня, а чья обязанность, скажи, пожалуйста, масло проверить? Не твоя? Откуда я знаю, чего в этом масле?! Стоит масло – я заливаю.

Сеня достал из кармана грязный платок, вытер потное лицо.

Помолчали все четверо.

– Ты думаешь, у Каменного человека нет валов? – спросил председатель Сению.

Каменный человек – это председатель соседнего колхоза Антипов Макар, великий молчун и скряга.

– Я с ним н-н-не хочу иметь ничего общего, – сказал Сеня.

– Хочешь не хочешь, а надо выходить из положения.

– Вэ-в-выйдешь тут...

– Надо, Семен.

Сеня повернулся и, ничего не сказав, пошел к стану тракторной бригады – там стоял его мотоцикл.

Через пятнадцать минут он подлетел к правлению соседнего колхоза. Прислонил мотоцикл к заборчику, молодецкато взбежал на крыльцо... и встретил в дверях Антипова. Тот собрался куда-то уезжать.

– Привет! – воскликнул Сеня. – А я к тебе... 3-з-здорово!

Антипов молча подал руку и подозрительно посмотрел на Сеню.

– Кэ-к-как делишки? Жнем помаленьку? – зататорил Сеня.

– Жнем, – сказал Антипов.

– Мы тоже, понимаешь... фу-у! Дни-то!.. Золотые де-де-денечки стоят!

– Ты насчет чего? – спросил Антипов.

– Насчет валов. Пэ-п-подкинь пару.

– Нету. – Антипов легонько отстранил Сеню и пошел с крыльца.

– Слушай, мэ-м-монумент!.. – Сеня пошел следом за Антиповым. – Мы же к коммунизму п-подходим!.. Я же на общее дело... Дай два вала!!!

– Не ори, – спокойно сказал Антипов.

– Дай пару валов. Я же отдам... Макар!

– Нету.

– Кэ-к-кулак! – сказал Сеня, останавливаясь. – Кэ-к-когда будем переходить в коммунизм, я первый проголосую, чтобы тебя не брать.

– Осторожней, – посоветовал Антипов, залезая в «Победу». – Насчет кулаков – поосторожней.

– А кто же ты?

– Поехали, – сказал Антипов шоферу.

«Победа» плавно тронулась с места и, переваливаясь на кочках, как гусыня, поплыла по улице.

Сеня завел мотоцикл, догнал «Победу», крикнул Антипову:

– Поехал в райком!.. Жаловаться на тебя! Приготовь валы, штук пять!

Мне, пэ-п-правда, только два надо, но попрошу пять – охота н-н-наказать тебя!

– Передавай привет в райкоме! – сказал Антипов.

Сеня дал газку и обогнал «Победу».

В приемной райкома партии былолюдно. Сидели на новеньких стульях с высокими спинками, ждали приема. Курили.

Высокая дверь, обитая черной клеенкой, то и дело открывалась – выходили одни и тотчас, гася на ходу окурки, входили другие.

Сеня сердито посмотрел на всех и сел на стул.

– Слишком много болтаете! – строго заметил он.

Мягко хлопала дверь. Выходили из кабинета то радостные, то мрачные.

Сеня закурил.

С ним рядом сидел какой-то незнакомый мужчина городского вида, лысый, с большим желтым портфелем.

– Вы кэ-крайний? – спросил его Сеня.

– Э... кажется, да, – как-то угодливо ответил мужчина.

Сеня тотчас обнаглел.

– Я впереди вас п-п-пойду.

– Почему?

– У меня машины стоят. Вот почему.

– Пожалуйста.

К Сене подсел цыгановатый мужик с буйной шевелюрой, хлопнул его по колену.

– Здорово, Сеня!

Сеня поморщился, потер колено.

– Что за д-д-дурацкая привычка, слушай, руки распускать!

Курчавый хохотнул, встал, поправил ремень гимнастерки. Посмотрел на дверь кабинета.

– Судьба решается, Сеня.

– Все насчет тех т-т-тракторов?

– Все насчет тех... Я сейчас скажу там несколько слов. – Курчавый заметно волновался. – Не было такого указания, чтобы закупку ограничивать.

– А куда вы столько нахватали? Стоят же они у вас.

– Нынче стоят, а завтра пойдут – расширим пашню...

– Н-н-ненормальные вы, – сказал Сеня. – Когда расширите, тогда и покупайте. Что их, солить, что ли!

– Тактика нужна, Сеня, – поучительно сказал курчавый. – Тактика.

Из кабинета вышли.

Курчавый кашлянул в ладонь, еще раз поправил гимнастерку, вошел в кабинет. И тотчас вышел обратно. Достал из кармана блокнот, вырвал из него лист и, склонившись, стал вытирать грязные сапоги.

Сеня хихикнул.

– Ну что?.. Сказал н-н-несколько слов? Или н-н-не успел?

– Ковров повнастелили, – проворчал курчавый. Брезгливо взял двумя пальцами черный комочек и бросил в урну.

Лысый гражданин пошевелился на стуле.

– Что, не в духе сегодня? – спросил он курчавого (он имел в виду секретаря райкома).

Курчавый ничего не сказал, вошел снова в кабинет.

– Не в духе, – сказал лысый, обращаясь к Сене. – Точно!

– Я сам не в духе, – ответил Сеня.

Чтобы не быть в кабинете многословным, Сеня заранее заготовил фразу: «Здравствуйте, Иван Васильевич. У нас прорыв: стали две машины. Нет валов. Валы есть у Антипова. Но Антипов не дает».

Секретарь сидел, склонившись над столом, смотрел на людей немигающими усталыми глазами, слушал, кивал головой, говорил прокуренным, густым голосом. Говорил негромко, коротко. Он измотался за уборочную, изнервничался. Скуластое, грубоватой работы лицо его осунулось, приобрело излишнюю жесткость.

– Здравствуйте, Иван Васильевич!

– Здорово. Садись. Что?

– П-п-прорыв... Два наших охламона залили в машины грязное масло... И, главное, у-у-убеждают, что это не их дело – масло п-п-проверить! – Сеня даже руками развел. – А чье же, м-м-милые вы мои? Мое, что ли? У меня их на шее пя-п-пятнадцать...

– Ну а что случилось-то?

– Валы полетели. Стоят две машины. А з-з-а... это... запасных валов нету.

– У меня тоже нету.

– У Антипова есть. Но он не дает. А в сельхозснаб сейчас ехать – вы же понимаете...

– Так что ты хочешь-то?

– Позвоните Антипову, пусть он...

– Антипов меня пошлет к черту и будет прав.

– Не пошлет, – серьезно сказал Сеня. – Что вы!

– Ну так я сам не хочу звонить. Что вам Антипов – снабженец? Как можно докатиться до того, чтобы ни одного вала в запасе не было? А? Чем же вы занимаетесь там?

Сеня молчал.

– Вот. – Секретарь положил огромную ладонь на стекло стола. – Где хотите, там и доставайте валы. Вечером мне доложите. Если машины будут стоять...

– Понятно. По-по-понял. До свиданья.

– До свиданья.

Сеня быстро вышел из кабинета. В приемной оглянулся на дверь и сердито воскликнул:

– Очень хо-хо-хорошо! – И потер ладони. – П-просто великолепно!

В приемной остался один лысый гражданин. Он сидел, не решаясь войти в кабинет.

– Пятый угол искали? – спросил он Сеню и улыбнулся; во рту его жарко вспыхнуло золото вставленных зубов.

Сеня грозно глянул на золотозубого. И вдруг его осенило: городской вид лысого, его гладкое бабье лицо, золотые зубы, а главное, желтый портфель – все это непонятным образом вызвало в воображении Сени чарующую картину заводского склада... Темные низкие стеллажи, а на них, тускло поблескивая маслом, рядами лежат валы – огромное количество коленчатых валов. В складе тишина, покой, как в церкви. Прохладно и остро пахнет свежим маслом. Раза три за свою жизнь Сеня доставал запчасти помимо сельхознаба. И всякий раз содействовал этому какой-нибудь вот такой тип – с брюшком и с портфелем. Сеня подошел к золотозубому, хлопнул его грязной рукой по плечу.

– С-с-слушай, друг!.. – Сеня изобразил на лице небрежность и снисходительность. – У тебя на авторемонтном в го-городе никого знакомого нету? Пару валов вот так надо! – Сеня чиркнул себя по горлу ребром маленькой темной ладони. – Литр ставлю.

Лысый снял с плеча Сенину руку.

– Я такими вещами не занимаюсь, товарищ, – строго сказал он. Потом деловито спросил: – Он сильно злой?

– Кто?

– Секретарь-то.

Сеня посмотрел в серые мутновато-наглые глаза лысого и опять увидел стройные ряды коленчатых валов на стеллажах.

– Н-н-не очень. Бывает хуже. Иди, я тебя по-по... это... подожду здесь. Иди, не робей.

Лысый медленно поднялся, поправил галстук. Прошелся около двери, подумал. Быстренько снял галстук и сунул его в карман.

– Тактика нужна, тактика, – пояснил он Сене. – Правильно давеча твой друг говорил. – Откашлялся в ладонь, мелко постучал в дверь.

Дверь неожиданно распахнулась – на пороге стоял секретарь.

– Здравствуйте, товарищ первый секретарь, – негромко и торопливо сказал лысый. – Я по поводу алиментов.

Секретарь не разобрал, по какому вопросу пришел лысый.

– Что?

– Насчет алиментов.

– Каких алиментов?..

Лысый снисходительно поморщился.

– Ну, с меня удерживают... Я считаю, несправедливо. Я вот здесь подробно, в письменной форме... – Он стал вынимать из желтого портфеля листы бумаги.

– Вот тут на улице, за углом, прокуратура, – показал секретарь, – туда.

Лысый стал вежливо объяснять:

– Не в этом дело, товарищ секретарь. Они не поймут... Я уже был там. Здесь нужен партийный подход... Я считаю, что так как у нас теперь установка на справедливость...

Секретарь устало прислонился спиной к дверному косяку.

– Идите к черту, слушайте!.. Или еще куда! Справедливость! Вот по справедливости и будете платить.

Лысый помолчал и дрожащим от обиды голосом сказал:

– Между прочим, Ленин так не разговаривал с народом. – Повернулся и пошел на выход совсем в другую сторону. – Все начисто забыли!

– Не туда, – сказал секретарь. – Вон выход-то!

Лысый вернулся. Проходя мимо секретаря, горько прошептал, ни к кому не обращаясь:

– А кричим: «Коммунизм! Коммунизм!»

Секретарь проводил его взглядом, потом повернулся к Сене.

– Кто это, не знаешь?

Сеня пожал плечами.

– По-моему, это по-по-п-полезный человек.

– А ты чего сидишь тут?

– Я уже пошел, все. – Сеня встал и пошел за лысым.

Лысый шагал серединой улицы – большой, солидный. Круглая большая голова его сияла на солнце. Сеня догнал его.

– Разволновался? – спросил он.

– А заелся ваш секретарь-то! – сказал лысый, глядя прямо перед собой. – Ох, заелся!

– Он за-за-за... это... зашился, а не заелся. Мы же го-го-горим со страшной силой! Нам весной еще т-т-три тыщи гектар подвалили... попробуй тут! Трудно же!

– Всем трудно, – сказал лысый. – У вас чайная далеко?

– Вот, рядом.

– Заелся, заелся ваш секретарь, – еще раз сказал лысый. – Трудно, конечно: такая власть в руках...

– У тебя на авторемонтном в го-го-го... – начал Сеня.

– У меня там приятель работает, – сказал лысый. – Завскладом. – И посмотрел сверху на Сеню.

Сеня даже остановился.

– Ми-ми-милый ты мой, ка-к-к... это... кровинушка ты моя! – Он ласково взял лысого за рукав. – Как тебя зовут, я все забываю?

Лысый подал ему руку.

– Евгений Иванович.

– Ев-вге-ге... Это... Женя, друг, выручи! Пару валов – хоть плачь!.. А? – Сеня улыбнулся. Глаза его засветились неожиданно мягким, добрым светом. – Д-д-две бутылки ставлю. – Сеня показал два черных пальца.

Лысый важно нахмурился.

– Тебе коленчатых, значит?

– Ко-ко-ко... Ага.

– Пару?

– Парочку, Женя!

– Можно будет.

Сеня зажмурился...

– В-в-в-великолепно! Махнем прямо сейчас? У меня мотоцикл. За час слетаем.

– Нет, сперва надо подкрепиться. – Женя погладил свой живот.

– Ла-ла-лады! – согласился Сеня. – Вот и чайнуха. Пять минут, эх, пять мину-ут!.. – пропел он, торопливо семеня рядом с огромным Женей. Потом спросил: – Ты сам, значит, городской?

– Был городской. Теперь в вашем районе ошиваюсь, в Соусканихе.

– Сразу видно, что го-го-го-городской, – тонко заметил Сеня.

– Почему видно?

– Очень ка-ка-к-красивый. На сцене, наверно, выступаешь? – Сеня погрозил ему пальцем и пощекотал в бок. – Ох, Женька!..

Женя густо хохотнул, потянулся рукой к груди: хотел поправить галстук, но вспомнил, что он в кармане, нахмурился.

– Бюрократ ваш секретарь, – сказал он. – Выступишь с такими...

– А ты где сам работаешь, Женя?

– По торговой.

– Хорошее дело, – похвалил Сеня.

Сели за угловой столик, за фикус.

Сеня обвел повеселевшими глазами пустой зал.

– Ну кто там!.. Мы торопимся! По борщишку ударим? – спросил он Женю.

Женя выразительно посмотрел на него.

– Я лично устроил бы небольшой забег в ширину... С горя.

Сеня потрогал в раздумье лоб.

– Здесь?

– А где же еще?

– Это... вообще-то тут нельзя...

– Везде нельзя! – громко и обиженно заметил лысый. – Знаешь, есть анекдот...

– Ну ладно, я поговорю пойду.

Сеня встал и пошел к буфету. Долго что-то объяснял буфетчице, махал руками, но говорил вполголоса. Вернулся к лысому, достал из-под полы пиджака бутылку водки.

– «Ка-ка-калгановая» какая-то. Другой нету.

Женя быстренько налил полный стакан, хряпнул, перекосялся...

– Не пошла, сволочь!

Он налил еще полстакана и еще выпил.

– Ого! – сказал Сеня. – Ничего себе!

– От так. – На глазах у лысого выступили светлые слезы. – Выпьешь?

– Нет, мне нельзя.

– Правильно, – одобрил лысый.

Им принесли борщ и котлеты.

Начали есть.

– Борщ как помой, – сказал лысый.

Сеня с аппетитом хлебал борщ.

– Ничего борщишко, чего ты!

– До чего же мы кричать любим! – продолжал лысый, помешивая ложкой в тарелке. – Это ж медом нас не корми, дай только покричать.

– Насчет чего кричать? – спросил Сеня.

– Насчет всего. Кричим, требуем, а все без толку.

Лысый хлебнул еще две ложки, откинулся на спинку стула. Его как-то сразу развезло.

– Вот ты, например, – начал он издали, – так называемый Сеня: ну на кой тебе сдались эти валы? Они тебе нужны?

Сеня, не прожевав кусок, воскликнул:

– Я ему битый час т-т-толкую, а он!..

– Я говорю: тебе! Лично тебе!

– Нужны, Женя.

Лысый поморщился, оглянулся кругом, повалился грудью на стол и заговорил негромко:

– Жизни-то никакой нету!.. Никаких условий! Законов понаписали – во! – Лысый показал рукой высоко над полом. – А все ж без толку. Пшик.

– Как это п-п-пшик? – Сеня отложил ложку. – Какие законы?

– А всякие. Скажем, про алименты... – Лысый полез под стол за бутылкой, но Сеня перехватил ее раньше.

– Хватит, а то ты за-за-пьянеешь. Мы же за ва-валами поедем.

– Валы!.. – Лысого неудержимо вело. – Они небось на «Победах» разьезжают, командывают, а мы вкальваем, валы достаем. Алименты вычитать это у них есть законы!.. Равенство!.. – Лысый говорил уже во весь голос.

Сеня внимательно слушал.

– Ешь! – зло сказал он. – Чего ты развякался-то?

– Не хочу есть, – капризно сказал лысый. – И в никакой коммунизм вообще я не верю. Понял?

– По-по-почему?

– Потому. – Лысый посмотрел на Сеню, пододвинул к себе тарелку и стал есть. – Тебе валы-то какие нужны? Коленчатые?

Сеня менялся на глазах – темнел.

– Почему, интересно, в коммунизм не веришь? – переспросил он.

– Ты только не ори, – сказал лысый. – Понял? От... А валы мы достанем.

– Вы-вы-вы... – Сеня показал рукой на дверь. – Выйди отсюда. Слышишь?!

– Чудак, – миролюбиво сказал лысый. – Чего ты разошелся?

Сеня грохнул кулаком по столу; один стакан подпрыгнул, упал на пол и раскололся.

Из кухни вышли повар и официантки.

...Сеня и лысый стояли друг против друга; лысый был на две головы выше Сени; Сеня смотрел на него снизу гневно, в упор.

– Ты не очень тут... понял? – Лысый трусливо посмотрел на официанток, усмехнулся. – От дает!..

Сеня толкнул его в мягкий живот.

– Кому сказано: выйди вон!

– Ты не толкайся! Ты не толкайся! А то я... Смотри у меня! – Лысый пошел к двери. Сеня – за ним. – Смотри у меня!

– Я тебя насквозь вижу, паразит!

– Дурак ты!

– Я т-т-те по-покажу...

Около двери лысый обернулся, ощерился и небожно ткнул пухлым кулаком Сеню в грудь. Прошипел:

– Прислужник несчастный! Обормот!

Сеня отступил на шаг и ринулся головой на жирную громаду.

Дверь с треском распахнулась. Лысый вылетел на крыльцо и стал быстро спускаться по ступенькам. Сеня успел догнать его и пнул в толстый зад.

– Де-де-деятель вшивый!

– Вот тебе, а не валы! – крикнул снизу лысый. – Дурак неотесанный!

Лысый пустился тяжелой рысью по улице, оглянулся на бегу, показал Сене фигу.

Сеня крикнул ему вслед:

– Я на тебя в «Крокодил» на-на-напишу, зараза! Пе-пе-пережиток! Гад подколодный!

Лысый больше не оглядывался.

Сеня вернулся в чайную, расплатился с официанткой, спросил ее на всякий случай:

– У тебя на авторемонтном в го-го-городе никакого знакомого нету?

– Нет. Чего с лысым-то не поделили? – спросила официантка.

– Я на него в «Крокодил» на-н-напишу, – сказал Сеня, еще не остывший после бурной сцены. – Он в Соусканихе работает... Я его найду, гада!

На короткое мгновение в глазах Сени опять встала сказочная картина заводского склада с холодным мерцанием коленчатых валов на стеллажах – и пропала.

– А ни у кого тут из ваших в го-го-городе на авторемонтном нету знакомых?

– Откуда?!

Сеня завел мотоцикл и поехал к Макару Антипову. Маленькая цепкая фигурка на мотоцикле выражала собой одно несокрушимое стремление – добыть своего.

Антипова он нашел в полеводческой бригаде, в вагончике.

Макар сидел на самодельном, на скорую руку сколоченном стуле, пил чай из термоса.

– Макар!.. – с ходу начал Сеня. – Я здесь по-по-погибну, но без валов не уйду. Ты что, хочешь, чтобы я на тебя в «Крокодил» написал? Ты что...

– Спокойно, – сказал Макар. – Сбавь. В «Крокодил» – это вас надо, а не меня. – Он достал из кармана засаленный блокнот, нашел чистый лист, вырвал его и написал крупно:

«ЕГОР, ДАЙ ЕМУ ПАРУ ВАЛОВ, В ДОЛГ, КОНЕЧНО.

Антипов».

Сеня оторопел.

– С-спасибо, Макарушка!..

– Только жаловаться умеете, – сердито сказал Антипов. – Хозяева мне!..
Горе луковое!

– А-а! – Сеня сообразил, чья могучая рука вырвала у Макара валы. – Вот так, М-м-макар! А то ломался, по-по-понимаешь...

Макар продолжал пить чай из термоса.

Через час Сеня подлетел к двум своим машинам, начал отвязывать от багажника валы.

Оба шофера засуетились около него.

– Сеня!.. Милая ты моя душа! Достал?

– Вечером умоешься – я тебя поцелую...

– Ло-ло-лоботрясы, – сердито сказал Сеня, – в «Крокодил» вот катануть на вас!.. – Вытер запыленное лицо фуражкой, сел на стерню, закурил. – Да-да-да... это... давайте живее!

СРЕЗАЛ

К старухе Агафье Журавлевой приехал сын Константин Иванович. С женой и дочерью. Попроведовать, отдохнуть. Деревня Новая – небольшая деревня, а Константин Иванович еще на такси подкатил, и они еще всем семейством долго вытаскивали чемоданы из багажника... Сразу вся деревня узнала: к Агафье приехал сын с семьей, средний, Костя, богатый, ученый.

К вечеру узнали подробности: он сам – кандидат, жена – тоже кандидат, дочь – школьница. Агафье привезли электрический самовар, цветастый халат и деревянные ложки.

Вечером же у Глеба Капустина на крыльце собрались мужики. Ждали Глеба.

Про Глеба Капустина надо рассказать, чтобы понять, почему у него на крыльце собрались мужики и чего они ждали.

Глеб Капустин – толстогубый, белобрысый мужик сорока лет, начитанный и ехидный. Как-то так получилось, что из деревни Новой, хоть она небольшая, много вышло знатных людей: один полковник, два летчика, врач, корреспондент... И вот теперь Журавлев – кандидат. И как-то так повелось, что когда знатные приезжали в деревню на побывку, когда к знатному земляку в избу набивался вечером народ – слушали какие-нибудь дивные истории или сами рассказывали про себя, если земляк интересовался, – тогда-то Глеб Капустин приходил и срезал знатного гостя. Многие этим были недовольны, но многие, мужики особенно, просто ждали, когда Глеб Капустин срежет знатного. Даже не то что ждали, а шли раньше к Глебу, а потом уж – вместе – к гостю. Прямо как на спектакль ходили. В прошлом году Глеб срезал полковника – с блеском, красиво. Заговорили о войне 1812 года... Выяснилось, что полковник не знает, кто велел поджечь Москву. То есть он знал, что какой-то граф, но фамилию перепутал, сказал – Распутин. Глеб Капустин коршуном взмыл над полковником... И срезал. Переволновались все тогда, полковник ругался... Бегали к учительнице домой – узнавать фамилию графа-поджигателя. Глеб Капустин сидел красный в ожидании решающей минуты и только повторял: «Спокойствие, спокойствие, товарищ полковник, мы же не в Филях, верно?» Глеб остался победителем; полковник бил себя кулаком по голове и недоумевал. Он очень расстроился. Долго потом говорили в деревне про Глеба, вспоминали, как он только повторял: «Спокойствие, спокойствие, товарищ полковник, мы же не в Филях». Удивлялись на Глеба. Старики интересовались – почему он так говорил.

Глеб посмеивался. И как-то мстительно щурил свои настырные глаза. Все матери знатных людей в деревне не любили Глеба. Опасались.

И вот теперь приехал кандидат Журавлев...

Глеб пришел с работы (он работал на пилораме), умылся, переоделся... Ужинать не стал. Вышел к мужикам на крыльцо.

Закурили... Малость поговорили о том о сем – нарочно не о Журавлеве. Потом Глеб раза два посмотрел в сторону избы бабки Агафьи Журавлевой. Спросил:

– Гости к бабке Агафье приехали?

– Кандидаты!

– Кандидаты? – удивился Глеб. – О-о!.. Голой рукой не возьмешь.

Мужики посмеялись: мол, кто не возьмет, а кто может и взять. И поглядывали с нетерпением на Глеба.

– Ну пошли попроведаем кандидатов, – скромно сказал Глеб.

И пошли.

Глеб шел несколько впереди остальных, шел спокойно, руки в карманах, шурился на избу бабки Агафьи, где теперь находились два кандидата. Получалось вообще-то, что мужики ведут Глеба. Так ведут опытного кулачного бойца, когда становится известно, что на враждебной улице объявился некий новый ухарь. Дорогой говорили мало.

– В какой области кандидаты? – спросил Глеб.

– По какой специальности? А черт его знает... Мне бабенка сказала – кандидаты. И он, и жена...

– Есть кандидаты технических наук, есть общеобразовательные, эти в основном трепологией занимаются.

– Костя вообще-то в математике рубил хорошо, – вспомнил кто-то, кто учился с Костей в школе. – Пятерочник был.

Глеб Капустин был родом из соседней деревни и здешних знатных людей знал мало.

– Посмотрим, посмотрим, – неопределенно пообещал Глеб. – Кандидатов сейчас как нерезанных собак.

– На такси приехал...

– Ну марку-то надо поддержать!.. – посмеялся Глеб.

Кандидат Константин Иванович встретил гостей радостно, захоптал насчет стола... Гости скромно подождали, пока бабка Агафья накрыла стол, поговорили с кандидатом, повспоминали, как в детстве они вместе...

– Эх, детство, детство! – сказал кандидат. – Ну, садитесь за стол, друзья.

Все сели за стол. И Глеб Капустин сел. Он пока помалкивал. Но – видно было – подбирался к прыжку. Он улыбался, поддакнул тоже насчет детства, а сам все взглядывал на кандидата – примеривался.

За столом разговор пошел дружнее, стали уж вроде и забывать про Глеба Капустина... И тут он попер на кандидата.

– В какой области выявляете себя? – спросил он.

– Где работаю, что ли? – не понял кандидат.

– Да.

– На филфаке.

– Философия?

– Не совсем... Ну можно и так сказать.

– Необходимая вещь. – Глебу нужно было, чтоб была – философия. Он оживился. – Ну, и как насчет первичности?

– Какой первичности? – опять не понял кандидат. И внимательно посмотрел на Глеба. И все посмотрели на Глеба.

– Первичности духа и материи. – Глеб бросил перчатку. Глеб как бы стал в небрежную позу и ждал, когда перчатку поднимут.

Кандидат поднял перчатку.

– Как всегда, – сказал он с улыбкой. – Материя первична...

– А дух?

– А дух – потом. А что?

– Это входит в минимум? – Глеб тоже улыбался. – Вы извините, мы тут... далеко от общественных центров, поговорить хочется, но не особенно-то разбежишься – не с кем. Как сейчас философия определяет понятие невесомости?

– Как всегда определяла. Почему – сейчас?

– Но явление-то открыто недавно. – Глеб улыбнулся прямо в глаза кандидату. – Поэтому я и спрашиваю. Натурфилософия, допустим, определит это так, стратегическая философия – совершенно иначе...

– Да нет такой философии – стратегической! – заволновался кандидат. – Вы о чем вообще-то?

– Да, но есть диалектика природы, – спокойно, при общем внимании продолжал Глеб. – А природу определяет философия. В качестве одного из элементов природы недавно обнаружена невесомость. Поэтому я и спрашиваю: растерянности не наблюдается среди философов?

Кандидат искренне засмеялся. Но засмеялся один... И почувствовал неловкость. Позвал жену:

– Валя, иди, у нас тут... какой-то странный разговор!

Валя подошла к столу, но кандидат Константин Иванович все же чувствовал неловкость, потому что мужики смотрели на него и ждали, как он ответит на вопрос.

– Давайте установим, – серьезно заговорил кандидат, – о чем мы говорим.

– Хорошо. Второй вопрос: как вы лично относитесь к проблеме шаманизма в отдельных районах Севера?

Кандидаты засмеялись. Глеб Капустин тоже улыбнулся. И терпеливо ждал, когда кандидаты отсмеются.

– Нет, можно, конечно, сделать вид, что такой проблемы нету. Я с удовольствием тоже посмеюсь вместе с вами... – Глеб опять великодушно улыбнулся. Особо улыбнулся жене кандидата, тоже кандидату, кандидатке, так сказать. – Но от этого проблема как таковая не перестанет существовать. Верно?

– Вы серьезно все это? – спросила Валя.

– С вашего позволения. – Глеб Капустин привстал и сдержанно поклонился кандидатке. И покраснел. – Вопрос, конечно, не глобальный, но, с точки зрения нашего брата, было бы интересно узнать.

– Да какой вопрос-то? – воскликнул кандидат.

– Твое отношение к проблеме шаманизма. – Валя опять невольно засмеялась. Но спохватилась и сказала Глебу: – Извините, пожалуйста.

– Ничего, – сказал Глеб. – Я понимаю, что, может, не по специальности задал вопрос...

– Да нет такой проблемы! – опять сплеча рубанул кандидат. Зря он так. Не надо бы так.

Теперь засмеялся Глеб. И сказал:

– Ну на нет и суда нет!

Мужики посмотрели на кандидата.

– Баба с возу – коню легче, – еще сказал Глеб. – Проблемы нету, а эти... – Глеб что-то показал руками замысловатое, – танцуют, звенят бубенчиками... Да? Но при желании... – Глеб повторил: – При желании – их как бы нету. Верно? Потому что, если... Хорошо! Еще один вопрос: как вы относитесь к тому, что Луна тоже дело рук разума?

Кандидат молча смотрел на Глеба. Глеб продолжал:

– Вот высказано учеными предположение, что Луна лежит на искусственной орбите, допускается, что внутри живут разумные существа...

– Ну? – спросил кандидат. – И что?

– Где ваши расчеты естественных траекторий? Куда вообще вся космическая наука может быть приложена?

Мужики внимательно слушали Глеба.

– Допуская мысль, что человечество все чаще будет посещать нашу, так сказать, соседку по космосу, можно допустить также, что в один прекрасный момент разумные существа не выдержат и вылезут к нам навстречу. Готовы мы, чтобы понять друг друга?

– Вы кого спрашиваете?

– Вас, мыслителей...

– А вы готовы?

– Мы не мыслители, у нас зарплата не та. Но если вам это интересно, могу поделиться, в каком направлении мы, провинциалы, думаем. Допустим, на поверхность Луны вылезло разумное существо... Что прикажете делать? Лаять по-собачьи? Петухом петь?

Мужики засмеялись. Пошевелились. И опять внимательно уставились на Глеба.

– Но нам тем не менее надо понять друг друга. Верно? Как? – Глеб помолчал вопросительно. Посмотрел на всех. – Я предлагаю: начертить на песке схему нашей солнечной системы и показать ему, что я с Земли, мол. Что, несмотря на то что я в скафандре, у меня тоже есть голова и я тоже разумное существо. В подтверждение этого можно показать ему на схеме, откуда он: показать на Луну, потом на него. Логично? Мы, таким образом, выяснили, что мы соседи. Но не больше того! Дальше требуется объяснить, по каким законам я развивался, прежде чем стал такой, какой есть на данном этапе...

– Так, так. – Кандидат пошевелился и значительно посмотрел на жену. – Это очень интересно: по каким законам?

Это он тоже зря, потому что его значительный взгляд был перехвачен; Глеб взмыл ввысь... И оттуда, с высокой выси, ударил по кандидату. И всякий раз в разговорах со знатными людьми деревни наступал вот такой момент – когда Глеб взмывал кверху. Он, наверно, ждал такого момента, радовался ему, потому что дальше все случалось само собой.

– Приглашаете жену посмеяться? – спросил Глеб. Спросил спокойно, но внутри у него, наверно, все вздрагивало. – Хорошее дело... Только, может быть, мы сперва научимся хотя бы газеты читать? А? Как думаете? Говорят, кандидатам это тоже не мешает...

– Послушайте!..

– Да мы уже послушали! Имели, так сказать, удовольствие. Поэтому позвольте вам заметить, господин кандидат, что кандидатство – это ведь не костюм, который купил – и раз и навсегда. Но даже костюм и то надо иногда чистить. А кандидатство, если уж мы договорились, что это не костюм, тем более надо... поддерживать. – Глеб говорил негромко, но напористо и без передышки – его несло. На кандидата было неловко смотреть: он явно растерялся, смотрел то на жену, то на Глеба, то на мужиков... Мужики старались не смотреть на него. – Нас, конечно, можно тут удивить: подкатить к дому на такси, вытащить из багажника пять чемоданов... Но вы забываете, что поток информации сейчас распространяется везде равномерно. Я хочу сказать, что здесь можно удивить наоборот. Так тоже бывает. Можно понадеяться, что тут кандидатов в глаза не видели, а их тут видели – и кандидатов, и профессоров, и полковников. И сохранили о них приятные воспоминания, потому что это, как правило, люди очень простые. Так что мой вам совет, товарищ кандидат: почаще спускайтесь на землю. Ей-богу, в этом есть разумное начало. Да и не так рискованно: падать будет не так больно.

– Это называется – «покатил бочку», – сказал кандидат. – Ты что, с цепи сорвался? В чем, собственно...

– Не знаю, не знаю, – торопливо перебил его Глеб, – не знаю, как это называется, – я в заключении не был и с цепи не срывался. Зачем? Тут, – оглядел Глеб мужиков, – тоже никто не сидел – не поймут. А вот и жена ваша сделала удивленные глаза... А там дочка услышит. Услышит и «покатит бочку» в Москве на кого-нибудь. Так что этот жаргон может... плохо кончиться, товарищ кандидат. Не все средства хороши, уверяю вас, не все. Вы же, когда сдавали кандидатский минимум, вы же не «катали бочку» на профессора. Верно? – Глеб встал. – И «одеяло на себя не тянули». И «по фене не ботали». Потому что профессоров надо уважать – от них судьба зависит, а от нас судьба не зависит, с нами можно «по фене ботать». Так? Напрасно. Мы тут тоже немножко... «микитим». И газеты тоже читаем, и книги, случается, почитываем... И телевизор даже смотрим. И, можете себе представить, не приходим в бурный восторг ни от КВН, ни от «Кабачка "13 стульев"». Спросите, почему? Потому что там – та же самонадеянность. Ничего, мол, все съедят. И едят, конечно, ничего не сделаешь. Только не надо делать вид, что все там гении. Кто-то понимает... Скромней надо.

– Типичный демагог-кляузник, – сказал кандидат, обращаясь к жене. – Весь набор тут...

– Не попали. За всю жизнь ни одной анонимки или кляузы ни на кого не написал. – Глеб посмотрел на мужиков: мужики знали, что это правда. – Не то, товарищ кандидат. Хотите, объясню, в чем моя особенность?

– Хочу, объясните.

– Люблю по носу щелкнуть – не задирайся выше ватерлинии! Скромней, дорогие товарищи...

– Да в чем же вы увидели нашу нескромность? – не вытерпела Валя. – В чем она выразилась-то?

– А вот когда одни останетесь, подумайте хорошенько. Подумайте – и поймете. – Глеб даже как-то с сожалением посмотрел на кандидатов. – Можно ведь сто раз повторить слово «мед», но от этого во рту не станет сладко. Для этого не надо кандидатский минимум сдавать, чтобы понять это. Верно? Можно сотни раз писать во всех статьях слово «народ», но знаний от этого не прибавится. Так что когда уж выезжаете в этот самый народ, то будьте немного собранней. Подготовленней, что ли. А то легко можно в дураках очутиться. До свидания. Приятно провести отпуск... среди народа. – Глеб усмехнулся и не торопясь вышел из избы. Он всегда один уходил от знатных людей.

Он не слышал, как потом мужики, расходясь от кандидатов, говорили:

– Оттянул он его!.. Дошлый, собака. Откуда он про Луну-то знает?

– Срезал.

– Откуда что берется!

И мужики изумленно качали головами:

– Дошлый, собака. Причесал бедного Константина Иваныча... А? Как миленького причесал! А эта-то, Валя-то, даже рта не открыла.

– А что тут скажешь? Тут ничего не скажешь. Он, Костя-то, хотел, конечно, сказать... А тот ему на одно слово – пять.

– Чего тут... Дошлый, собака!

В голосе мужиков слышалась даже как бы жалость к кандидатам, сочувствие. Глеб же Капустин по-прежнему неизменно удивлял. Изумлял. Восхищал даже. Хоть любви, положим, тут не было. Нет, любви не было. Глеб жесток, а жестокость никто, никогда, нигде не любил еще.

Завтра Глеб Капустин, придя на работу, между прочим (играть будет) спросит мужиков:

– Ну, как там кандидат-то? – И усмехнется.

– Срезал ты его, – скажут Глебу.

– Ничего, – великодушно заметит Глеб. – Это полезно. Пусть подумает на досуге. А то слишком много берут на себя...

МАТЕРИНСКОЕ СЕРДЦЕ

Витька Борзенков поехал на базар в районный городок, продал сала на сто пятьдесят рублей (он собирался жениться, позарез нужны были деньги), пошел в винный ларек «смазать» стакан-другой красного. Пропустил пару, вышел, закурил... Подошла молодая девушка, попросила:

– Разреши прикурить.

Витька дал ей прикурить от своей папироски, а сам с интересом разглядывал лицо девушки – молодая, припухла, пальцы трясутся...

– С похмелья? – прямо спросил Витька.

– Ну, – тоже просто и прямо ответила выпивоха, с наслаждением затягиваясь «беломориной».

– А похмелиться не на что, – стал дальше развивать мысль Витька, довольный, что умеет понимать людей, когда им худо.

– А у тебя есть?

(Никогда бы, ни с какой стати не влетело в лоб Витьке, что девушка специально наблюдала за ним, когда он продавал сало, и что у ларька она его просто подкараулила.)

– Пойдем, поправься. – Витьке понравилась девушка – миловидная, стройненькая... А ее припухлость и особенно откровенность, с какой она призналась в своей несостоятельности, даже как-то взволновали.

Они зашли в ларек... Витька взял бутылку красного, два стакана... Они тут же, в уголке, раздавили бутылочку. Витька выпил полтора стакана, остальное великодушно налил девушке. Они вышли опять на крыльцо, закурили. Витьке стало хорошо, девушке тоже полегчало. Обоим стало хорошо.

– Здесь живешь?

– Вот тут, недалеко, – кивнула девушка. – Спасибо, легче стало.

– Врезала вчера? – Витьке было легко и просто с девушкой, удивительно.

– Было дело.

– Может, еще хочешь?

– Можно вообще-то... Только не здесь.

– Где же?

– Можно ко мне пойти, у меня дома никого нет...

В груди у Витьки нечто такое – сладостно-скользкое – вильнуло хвостом. Было еще рано, а до деревни своей Витьке ехать полтора часа автобусом – можно все успеть сделать.

Они взяли бутылку белой и пару бутылок красного.

– У меня там еще подружка есть, – подсказала девушка, когда Витька соображал, сколько взять. Он поэтому и взял: одну белую и две красных.

– С закусом одолеем, – решил он. – Есть чем закусить?

– Найдем.

Пошли с базара как давние друзья.

– Чего приезжал?

– Сало продал. Деньги нужны – женюсь.

– Да?

– Женюсь. Хватит бурлачить. – Странно, Витька даже и не подумал, что поступает нехорошо в отношении невесты – куда-то идет с незнакомой девушкой, и ему хорошо с ней, лучше, чем с невестой, – интересней.

– Хорошая девушка?

– Как тебе сказать?.. Домовитая. Хозяйка будет хорошая.

– А насчет любви?

– Как тебе сказать?.. Такой, как раньше бывало, – здесь вот кипятком подмывало чего-то такое, – такой нету. Так... Надо же когда-нибудь жениться.

– Не промахнись. Будешь потом... Непривязанный, а визжать будешь.

– Да я уж накобелился на свой век – хватит.

В общем, поговорили в таком духе, пришли к дому девушки. (Ее звали Рита.) Витька и не заметил, как дошли и как шли – какими переулками. Домик как домик – старенький, темный, но еще будет стоять семьдесят лет, не охнет.

В комнатке (их три) чистенько, занавесочки, скатерочки на столах – уютно. Витька вовсе воспрянул духом.

«Шик-блеск-тру-ля-ля», – всегда думал он, когда жизнь сулила скорую радость.

– А где же подружка?

– Я сейчас схожу за ней. Посидишь?

– Посижу. Только поскорей, ладно?

– Заведи вон радиолу, чтоб не скучать. Я быстро.

Ну почему так легко, хорошо Витьке с этой девушкой? Пять минут знакомы, а... Ну, жизнь! У девушки грустные, задумчивые, умные глаза. Когда она улыбается, глаза не улыбаются, и это придает ее круглому личику необъяснимую прелесть – маленькая, усталая женщина. Витьке то вдруг становится жалко девушку, то до боли охота стиснуть ее в объятиях, измять, куснуть ее припухшие, влажные губы.

Рита ушла. Витька стал ходить по комнате – радиолу не завел: без радиолы сердце млело в радостном предчувствии.

Потом помнит Витька: пришла подружка Риты – похуже, постарше, потасканная и притворная. Затараторила с ходу, стала рассказывать, что она когда-то была в цирке: «работала каучук». Потом пили... Витька прямо тут же, за столом целовал Риту, подружка смеялась одобрительно, а Рита слабо била рукой Витьку по плечу, вроде отталкивала, а сама льнула тугой грудью и другой рукой обнимала за шею.

«Вот она – жизнь! – ворочалось в горячей голове Витьки. – Вот она – зараза кипучая, желанная. Молодец я!»

Потом Витька ничего не помнит – как отрезало. Очнулся поздно вечером под каким-то забором... Долго и мучительно соображал, где

он, что произошло. Голова гудела, виски вываливались от боли. Во рту пересохло все, спеклось. Кое-как припомнил он девушку Риту, губы ее мягкие, послушные... И понял: опоилю чем-то, одурманили и, конечно, забрали деньги. Мысль о деньгах сильно встряхнула. Он с трудом поднялся, обшарил карманы: да, денег не было. Витька прислонился к забору, осмотрелся... Нет, ничего похожего на дом Риты поблизости не было. Все другое, совсем другие дома.

У Витьки в укромном месте, в застывшем, был червонец – еще на базаре сунул туда на всякий случай. Пошарил – там червонец. Витька пошел наугад – до первого встречного. Спросил у какого-то старичка, как пройти к автобусной станции. Оказалось, не так далеко: прямо, потом налево переулком и вправо по улице – опять прямо. «И упретесь в автобусную станцию». Витька пошел... И пока шел до автобусной станции, накопил столько злобы на городских прохиндеев, так их возненавидел, паразитов, что даже боль в голове поунылась, и наступила свирепая ясность, и родилась в груди большая мстительная сила.

– Ладно, ладно, – бормотал он, – я вам устрою... Я вам тоже заделаю бяку.

Что он собирался сделать, он не знал, знал только, что добром все это не кончится.

Около автобусной станции допоздна работал ларек, там всегда толпились люди. Витька взял бутылку красного, прямо из горлышка осадил ее, всю, до доньшка, запустил бутылку в скверик... Ему какие-то подвыпившие мужики, трое, сказали:

– Там же люди могут сидеть.

Витька расстегнул свой флотский ремень, намотал конец на руку – оставил свободной тяжелую бляху, как кистень. Эти трое подвернулись кстати.

– Ну?! – удивился Витька. – Неужели люди? Разве в этом вшивом городишке есть люди?

Трое переглянулись.

– А кто ж тут, по-твоему?

– ...!

Трое пошли на него, Витька пошел на трех... Один сразу свалился от удара бляхой по голове, двое пытались достать Витьку ногой или руками, берегли головы. Потом они заорали:

– Наших бьют!

Еще налетело человек пять... Бляха заиграла, мягко, тупо шлепалась в тела. Еще двое-трое свалилось... Попадало и Витьке: кто-то сзади тяпнул бутылкой по голове, но вскользь – Витька устоял. Оскорбленная душа его возликовала и обрела устойчивый покой.

Нападавшие матерились, бестолково кучились, мешали друг другу, советовали – этим пользовался Витька и бил.

– Каучук работали?! – орал он. – В цирке работали?!

Прибежала милиция... Всем скопом загнали Витьку в угол – между ларьком и забором. Витька отмахивался. Милиционеров пропустили вперед, и Витька сдуру ударил одного по голове бляхой. Бляха Витькина страшна еще тем, что с внутренней стороны, в изогнутость ее, был налит свинец. Милиционер упал... Все ахнули и оторопели. Витька понял, что свершилось непоправимое, бросил ремень... Витьку отвезли в КПЗ.

Мать Витькина узнала о несчастье на другой день. Утром ее вызвал участковый и сообщил, что Витька натворил в городе то-то и то-то.

– Батюшки-святые! – испугалась мать. – Чего же ему теперь за это?

– Тюрьма. Тюрьма верная. У милиционера тяжелая травма, лежит в больнице. За такие дела – только тюрьма. Лет пять могут дать. Что он, сдурел, что ли?

– Батюшка, андел ты мой Господний, – взмолилась мать, – помоги как-нибудь!

– Да ты что! Как я могу помочь?..

– Да выпил он, должно, он дурной выпимши...

– Да не могу я ничего сделать, пойми ты! Он в КПЗ, на него уже наверняка завели дело.

– А кто же мог бы помочь-то?

– Да никто. Кто?.. Ну съезди в милицию, узнай хоть подробности. Но там тоже... Что они там могут сделать?

Мать Витькина, сухая, двужилъная, легкая на ногу, заметалась по селу. Сбегала к председателю сельсовета – тот тоже развел руками:

– Как я могу помочь? Ну характеристику могу написать... Все равно, наверно, придется писать. Ну напишу хорошую.

– Напиши, напиши, как получше, разумная ты наша головушка. Напиши, что – по пьянке он, он тверезый-то мухи не обидит...

– Там ведь не станут спрашивать – по пьянке он или не по пьянке. Милиционера изувечил... Ты вот что: съезди к тому милиционеру, может, не так уж он его и зашиб-то. Хотя вряд ли...

– Вот спасибо-то тебе, андел ты наш, вот спасибочко-то.

– Да не за что.

Мать Витькина кинулась в район. Мать Витьки родила пятерых детей, рано осталась вдовой (Витька еще грудной был, когда пришла похоронка об отце в сорок втором году), старший сын ее тоже погиб на войне в сорок пятом году, девочка умерла от истощения в сорок шестом году, следующие два сына выжили, мальчиками еще, спасаясь от великого голода, ушли по вербовке в ФЗУ и теперь жили в разных городах. Витьку мать выходила из последних сил, все распродала, осталась нищей, но сына выходила – крепкий вырос, ладный собой, добрый... Все бы хорошо, но пьяный – дурак дураком становится. В отца пошел – тот, царство ему небесное, ни одной драки в деревне не пропускал.

В милицию мать пришла, когда там как раз обсуждали вчерашнее происшествие на автобусной станции. Милиционера Витька угостил

здорово: тот правда лежал в больнице и был очень слаб. Еще двое алкашей тоже лежали в больнице – тоже от Витькиной страшной бляхи.

Бляху с интересом разглядывали.

– Придумал, сволочь!.. Догадайся: ремень и ремень. А у него тут целая гирька. Хорошо еще не ребром угодил.

И тут вошла мать Витьки... И, переступив порог, упала на колени и завывала, и запричитала:

– Да ангелы вы мои милые, да разумные ваши головушки!.. Да способитесь вы как-нибудь с вашей обидушкой – простите вы его, окаянного! Пьяный он был... Он тверезый последнюю рубашку отдаст, сроду тверезый никого не обидел...

Заговорил старший, что сидел за столом и держал в руках Витькин ремень. Заговорил обстоятельно, спокойно, попроще – чтобы мать все поняла.

– Ты подожди, мать. Ты встань, встань – здесь не церква. Иди, глянь...

Мать поднялась, чуть успокоенная доброжелательным тоном начальственного голоса.

– Вот гляди: ремень твоего сына... Он во флоте, что ли, служил?

– Во флоте, во флоте – на кораблях-то на этих...

– Теперь смотри: видишь? – Начальник перевернул бляху, взвесил на руке: – Этим же убить человека – дважды два. Попади он вчера кому-нибудь этой штукой ребром – конец. Убийство. Да и плашмя троих уходил так, что теперь врачи борются за их жизни. А ты говоришь – простить. Ведь он же трех человек, можно сказать, инвалидами сделал, действительно. А одного – при исполнении служебных обязанностей. Ты подумай сама: как же можно прощать за такие дела, действительно?

Материнское сердце, оно – мудрое, но там, где замаячила беда родному дитю, мать не способна воспринимать посторонний разум, и логика тут ни при чем.

– Да сыночки вы мои милые! – воскликнула мать и заплакала. – Да нешто не бывает по пьяному делу?! Да всякое бывает – подрались... Сжальтесь вы над ним!..

Тяжело было смотреть на мать. Столько тоски и горя, столько отчаяния было в ее голосе, что счужу становилось не по себе. И хоть милиционеры – народ тертый, до жалости неохочий, даже и они – кто отвернулся, кто стал закуривать.

– Один он у меня – при мне-то: и поилец мой, и кормилец. А ишо вот жениться надумал – как же тогда с девкой-то, если его посадют? Неужто ждать его станет? Не станет. А девка-то добрая, из хорошей семьи, жалко...

– Он зачем в город-то приезжал? – спросил начальник.

– Сала продать. На базар – сальца продать. Деньжонки-то нужны, раз уж свадьбу-то наметили – где их больше возьмешь?

– При нем никаких денег не было.

– Батюшки-святые! – испугалась мать. – А иде ж они?

– Это у него надо спросить.

– Да украли небось! Украли!.. Да милый ты сын, он оттого, видно, и в драку-то полез – украли их у него! Жулики украли...

– Жулики украли, а при чем здесь наш сотрудник – за что он его-то?

– Да попал, видно, под горячую руку...

– Ну если каждый раз так попадать под горячую руку, у нас скоро и милиции не останется. Слишком уж они горячие, ваши сыновья! – Начальник набрался твердости. – Не будет за это прощения, получит свое – по закону.

– Да ангелы вы мои, люди добрые, – опять взмолилась мать, – пожалейте вы хоть меня, старуху, я только теперь маленько и свет-то увидела... Он работающий парень-то, а женился бы, он бы совсем справный мужик был. Я бы хоть внучаток понянчила...

– Дело даже не в нас, мать, ты пойми. Есть же прокурор! Ну выпустили мы его, а с нас спросят: на каком основании? Мы не имеем права. Права даже такого не имеем. Я же не буду вместо него садиться.

– А может, как-нибудь задобрить того милиционера? У меня холст есть, я нынче холста наткала – пропасть! Все им готовила...

– Да не будет он у тебя ничего брать, не будет! – уже кричал начальник. – Не ставь ты людей в смешное положение, действительно. Это же – не кум с кумом поцапались, это – покушение на органы!

– Куда же мне теперь идти-то, сыночки? Повыше-то вас есть кто или уж нету?

– Пусть к прокурору сходит, – посоветовал один из присутствующих.

– Мельников, проводи ее до прокурора, – велел начальник. И опять повернулся к матери, и опять стал с ней говорить как с глухой или совсем бестолковой: – Сходи к прокурору – он повыше нас! И дело уже у него. И пусть он тебе там объяснит: можем мы чего сделать или нет? Никто же тебя не обманывает, пойми ты!

Мать пошла с милиционером к прокурору. Дорогой пыталась заговорить с милиционером Мельниковым:

– Сыночек, што, шибко он его зашиб-то?

Милиционер Мельников задумчиво молчал.

– Сколько же ему дадут, если судить-то станут?

Милиционер шагал широко. Молчал.

Мать семенила рядом и все хотела разговорить длинного, заглядывала ему в лицо.

– Ты уж разъясни мне, сынок, не молчи уж... Мать-то и у тебя небось есть, жалко ведь вас, так жалко, што вот говорю – а каждое слово в сердце отдает. Много ли дадут-то?

Милиционер Мельников ответил туманно:

– Вот когда украшают могилы – оградки ставят, столбики, венки кладут... Это что – мертвым надо? Это живым надо. Мертвым уже все равно.

Мать охватила такой ужас, что она остановилась.

– Ты к чему это?

– Пошли. Я к тому, что – будут, конечно, судить. Могли бы, конечно, простить – пьяный, деньги украли – обидели человека. Но судить все равно будут – чтоб другие знали. Важно на этом примере других научить. Он поднял руку на представителя власти – эт-то...

– Да сам же говоришь – пьяный был!

– Это теперь не в счет. Теперь другая установка. Его насильно никто не поил, сам напился. А другим это будет поучительно. Ему все равно теперь сидеть, а другие – задумаются. Иначе вас никогда не перевоспитаешь.

Мать поняла, что этот длинный враждебно настроен к ее сыну, и замолчала.

Прокурор матери с первого взгляда понравился – внимательный. Внимательно выслушал мать, хоть она говорила длинно и путано – что сын ее, Витька, хороший, добрый, что он трезвый мухи не обидит, что – как же теперь одной-то оставаться? Что девка, невеста, не дожидается Витьку, что такую девку возьмут с руками-ногами – хорошая девка. Прокурор все внимательно выслушал, доиграл пальцами на столе... Заговорил издали, тоже как-то мудрено:

– Вот ты – крестьянка, вас, наверно, много в семье росло?

– Шестнадцать, батюшка. Четырнадцать выжило, двое маленькие ишо померли. Павел помер, а за ним другого мальчика тоже Павлом назвали...

– Ну вот – шестнадцать. В миниатюре – целое общество. Во главе – отец. Так?

– Так, батюшка, так. Отца слушались...

– Вот! – поймал прокурор мать на слове. – Слушались! А почему? Нашкодил один – отец его ремнем. А братья и сестры смотрят, как отец учит шкодника, и думают: шкодит им или нет? Так в большом семействе поддерживался порядок. Только так. Прости отец одному, прости другому – что в семье? Развал. Я понимаю тебя, тебе жалко... Если хочешь, и мне жалко – там, разумеется, не курорт, и поедет он туда, судя по всему, не на один сезон. По-человечески все понятно, но есть соображения высшего порядка, там мы бессильны. Судить будут. Сколько дадут, не знаю, это решает суд. Все.

Мать поняла, что и этот невзлюбил ее сына. «За своего обиделись».

– Батюшка, а выше-то тебя есть кто?

– Как это? – не сразу понял прокурор.

– Ты самый главный али повыше тебя есть?

Прокурор, хоть ему потом и неловко стало, невольно рассмеялся:

– Есть, мать, есть. Много!

– Где же они?

– Ну где?.. – посерьезнел прокурор. – Есть краевые организации... Ты что, ехать туда хочешь? Не советую.

– Мне подсказали хорошие люди: лучше теперь выволять, пока не-сужденый, потом чижеьше будет...

– Скажи этим хорошим людям, что они – не хорошие. Это они со стороны хорошие... добренькие. Кто это посоветовал?

– Да кто?.. Люди.

– Ну ехай. Проездишь деньги, и все. Результат будет тот же. Я тебе совершенно официально говорю: будут судить. Нельзя не судить, не имеем права. И никто этот суд не отменит.

У матери больно ждалось сердце. Но она обиделась на прокурора, а поэтому виду не показала, что едва держится, чтоб не грохнутья здесь и не завыть в голос. Ноги ее подкашивались.

– Разреши мне хоть свиданку с ним...

– Это можно, – сразу согласился прокурор. – У него что, деньги большие были, говорят?

– Были...

Прокурор написал что-то на листке бумаги, подал матери.

– Иди в милицию.

Дорогу в милицию мать нашла одна, без длинного – его уже не было. Спрашивала людей. Ей показывали. В глазах матери все туманилось и плыло. Она молча плакала, вытирала слезы концом платка, но шла привычно скоро, иногда только спотыкалась о торчащие доски тротуара. Но шла и шла, торопилась. Ей теперь, она понимала, надо поспешать, надо успеть, пока его не засудили. А то потом выволять будет трудно. Она выволит сына, она верила в это, верила. Она всю жизнь свою только и делала, что справлялась с горем, и все вот так – на ходу, скоро, вытирая слезы концом платка. Она давно могла отчаяться, но неистребимо жила в ней вера в добрых людей, которые помогут. Эти – ладно, эти за своего обиделись, у них зачерствело на душе от злости, а те – подалее которые – те помогут. Неужели же не помогут! Она все им расскажет – помогут. Странно, мать ни разу не подумала о сыне – что он совершил преступление, она знала одно: с сыном случилась большая беда. И кто же будет выволять его из беды, если не мать? Кто? Господи, да она пешком пойдет в эти краевые организации, она будет день и ночь идти и идти... Найдет она этих добрых людей, найдет.

– Ну? – спросил ее начальник милиции.

– Велел в краевые организации ехать, – слукавила мать. – А вот – на свиданку. – Она подала бумажку.

Начальник был несколько удивлен, хоть тоже старался не показать этого. Прочитал записку... Мать заметила, что он несколько удивлен. И подумала: «А-а». Ей стало маленько полегче.

– Проводи, Мельников.

Мать думала, что идти надо будет далеко, долго, что будут открываться железные двери – сына она увидит за решеткой и будет с ним разговаривать снизу, поднимаясь на цыпочки... Сын ее сидел тут же, внизу, в подвале. Там, в коридоре, стриженные мужики играли в домино... Уставились на мать и на милиционера. Витьки среди них не было.

– Что, мать, – спросил один мордастый, – тоже пятнадцать суток схлопотала?

Засмеялись.

– Егоров, – строго сказал длинный милиционер остряку, – в обед – драить служебные помещения.

Теперь уже заржали над остряком:

– Вот ты-то схлопотал!

– Ваня, ишо раз советую, отруби ты себе язык! – посоветовал один. – Перетерпи раз, зато потом всю жизнь проживешь без горюшка.

Милиционер подвел мать к камере, которых по коридору было три или четыре, открыл дверь...

Витька был один в камере, хоть камера большая и нары широкие. Он лежал на нарах. Когда вошел милиционер, он не поднялся, но, увидев за ним мать, вскочил.

– Десять минут на разговоры, – предупредил длинный. И вышел.

Мать присела на нары, поспешно вытерла слезы платком.

– Гляди-ка, под землей, а сухо, тепло, – сказала она.

Витька молчал, сцепив на коленях руки. Смотрел на дверь. Он осунулся за ночь, оброс – сразу как-то, как нарочно. На него больно было смотреть. Его мелко трясло, он напрягался, чтоб мать не заметила хоть этой его тряски.

– Деньги-то, видно, украли? – спросила мать.

– Украли.

– Ну и бог бы уж с имя, с деньгами, зачем было драку из-за них затевать? Не они нас наживают – мы их.

Никому бы ни при каких обстоятельствах не рассказал Витька, как его обокрали, – стыдно. Две шлюхи... Стыдно, мучительно стыдно! И еще – жалко мать. Он знал, что она придет к нему, пробьется через все законы, – ждал этого и страшился.

У матери в эту минуту было на душе другое: она вдруг совсем перестала понимать, что есть на свете милиция, прокурор, суд, тюрьма... Рядом сидел ее ребенок, виноватый, беспомощный... И кто же может сейчас отнять его у нее, когда она – только она, никто больше – нужна ему?

– Не знаешь, сильно я его?..

– Да нет, плашмя попало... Но лежит, не поднимается.

– Экспертизу, конечно, сделали. Бюллетень возьмет... – Витька посмотрел на мать. – Лет семь заделают.

– Батюшки-святы!.. – Сердце у матери упало. – Што же уж так много-то?

– Милиция... С этими бы я договорился. Сала бы опять продал – сунули бы им, до суда дело не дошло бы.

– Да што милиция? Не люди, што ли?

– Тут – если он даже сам не захочет, за него подадут. Семь лет!.. – Витька вскочил с нар, заходил по камере. – Все прахом! Все, вся жизнь кувырком!

Мать мудрым сердцем своим поняла, какая сила гнетет душу ее ребенка: та самая огромная, едкая сила – отчаяние, что делает в душе вывих, заставляет браться за веревку или за бритву. Злая, могучая сила...

– Тебя как вроде уж осудили! – сказала она с укором. – Сразу – жизнь кувырком.

– А чего тут ждать? Все известно.

– Гляди-ка, все уж известно! Ты бы хоть сперва спросил: где я была, чего достигла?..

– Где была? – Витька остановился.

– У прокурора была.

– Ну? И он что?

– Дак вот и спроси сперва: чего он? А то сразу – кувырком! Какие-то слабые вы... Ишо ничем ничего, а уж... мысли бог знает какие.

– А чего прокурор-то?

– А то... Пусть, говорит, пока не переживает, пусть всякие мысли выкинет из головы... Мы, дескать, сами тут сделать ничего не можем, потому што – наш человек-то, не имеем права. А ты, мол, не теряй время, а садись и езжай в краевые организации. Нам, мол, оттуда прикажут, мы волей-неволей его отпустим. Тада, говорит, нам и перед своими совестью не будет: хотели, мол, осудить, да не могли. Они уж все обдумали тут. Мне, говорит, самому его жалко... Но мы, говорит, люди маленькие. Езжай, мол, в краевые организации, там все обскажи подробно... У тебя сколь денег-то было?

– Полторы сотни.

– Батюшки-святые! Нагрели руки.

В дверь заглянул длинный милиционер.

– Кончайте.

– Счас, счас, – заторопилась мать. – Мы уж все обговорили. Счас я, значит, доеду до дому, Мишка Бычков напишет на тебя характеристику... Хорошую, говорит, напишу.

– Там... это... у меня в чемодане грамоты всякие лежат со службы... возьми на всякий случай.

– Какие грамоты?

– Ну там увидишь. Может, поможет.

– Возьму. Потом схожу в контору – тоже возьму карактеристику... С голыми руками не поеду. Может, холст-то продать уж, у меня Сергеевна хотела взять?

– Зачем?

– Да взять бы деньжонок с собой – может, кого задобрить придется?

– Не надо, хуже только наделаешь.

– Ну погляжу там.

В дверь опять заглянул милиционер.

– Время.

– Пошла, пошла, – опять заторопилась мать. А когда дверь закрылась, вынула из-за пазухи печенюжку и яйцо. – На-ка, поешь... Да шибко-то не задумывайся – не кувырком ишо. Помогут добрые люди.

Большие-то начальники – они лучше, не боятся. Эти боятся, а тем неко-го бояться – сами себе хозяева. А дойти до них я дойду. А ты скрепись и думай про чего-нибудь – про Верку хошь... Верка-то шибко закручини-лась тоже. Даве забежала – а она уж слыхала...

– Ну?

– Горюет.

У Витьки в груди не потеплело оттого, что невеста – горюет. Как-то так, не потеплело.

– А ишо вот чего... – Мать зашептала: – Возьми да в уме помолись. Скажи: Господи-батюшка, Отец Небесный, помоги мне! Подумай так, подумай – попроси. Ничего, ты – крещеный. Со всех сторон будем за-ходить. А я пораньше из дому-то выеду – до поезда – да забегу свечечку Николе-Угоднику поставлю, попрошу тоже его. Ничего, смилоствивют-ся. Похоронку от отца возьму...

– Ты братьям-то... это... пока уж не сообщай.

– Не буду, не буду – кого они сделают? Только лишний раз душу растревожат. Ты, главно, не задумывайся – что все теперь кувырком. А если уж дадут, так год какой-нибудь – для отвода глаз. Не семь же лет! А кому год дают, смотришь, они через полгода выходят. Хорошо там поработают, их раньше выпускают. А может, и года не дадут.

Милиционер вошел в камеру и больше уже не выходил.

– Время, время...

– Пошла. – Мать встала с нар, повернулась спиной к милиционеру, мелко перекрестила сына и одними губами прошептала:

– Спаси тебя Христос.

И вышла из камеры. И шла по коридору, и опять ничего не видела от слез. Жалко сына Витьку, ох, жалко. Когда они хворают, дети, тоже их жалко, но тут какая-то особая жалость – когда вот так, тут – просишь людей, чтоб помогли, а они отворачиваются, в глаза не смотрят. И вре-менами жутко становится... Но мать – действовала. Мыслями она была уже в деревне, прикидывала, кого ей надо успеть охватить до отъезда, какие бумаги взять. И та неистребимая вера, что добрые люди помогут ей, вела ее и вела, мать нигде не мешкала, не останавливалась, чтоб на-плакаться вволю, тоже прийти в отчаяние – это гибель, она знала. Она – действовала.

Часу в третьем пополудни мать выехала опять из деревни – в крае-вые организации.

«Господи, помоги, батюшка, – твердила она в уме беспрерывно. – Помоги, Господи, рабе твоей Анне. Не допусти сына до худых мыслей, образумь его. Он маленько заполошный – как бы не сделал чего над со-бой. Помоги, Господи! Укрепи нас!»

Поздно вечером она села в поезд и поехала. Впереди – краевые ор-ганизации. Это не страшило ее.

«Ничего, добрые люди помогут».

Она верила, помогут.